

Деревенскіе очерки ¹⁾.

Крестьянскія бѣдствія.

Живя въ городѣ, намъ рѣдко приходится реально скорбѣть надъ крестьянскими бѣдствіями. Правда, читаемъ мы въ газетахъ и журналахъ о падежѣ скота, о саранчѣ, о крестьянскомъ невѣжествѣ и предрасудкахъ, о голодѣ, но все это какъ-то далеко, все думается: «Богъ знаетъ, быть-можетъ, все это преувеличено, раздуто!» И только когда пріѣдешь въ деревню, въ настоящую глухую деревню, безъ школы, безъ грамотныхъ людей, безъ медицинской помощи,—пріѣдешь хотя временно, на два, на три лѣтнихъ мѣсяца, и взглянешь пристально кругомъ,—вся эта горькая дѣйствительность встаетъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Вы не разсуждаете болѣе, что мѣры ваши, ваша помощь—лишь ничтожныя палліативы, залѣчивающіе временно хроническія язвы: чувство живого состраданія поглощаетъ все, и вы помогаете, чѣмъ можете, какъ можете, подъ вліяніемъ этого гнетущаго васъ чувства.

Въ 1878 году мы пріѣхали въ деревню Алексѣевку, только что купленную у помѣщика М. Мы пригласили съ собой на лѣто, въ качествѣ учителя нашихъ дѣтей, молодого медика, оканчивающаго курсъ медицинскаго факультета, Н. Лѣчить крестьянъ не входило въ его обязанности, но по мѣрѣ того, какъ больные, послѣ двухъ-трехъ случаевъ оказанной помощи, стали осаждать ворота нашего жилища, и мнѣ приходилось не подъ силу раздавать лѣкарства и перевязывать раны, онъ вызвался съ своей стороны оказывать посильную

¹⁾ Было напечатано въ сборникѣ „Въ пользу воскресныхъ школъ“ изд. журн. „Русская Мысль“ 1894 г.

помощь. Слухъ о нашей помощи распространился на десятки верстъ, и подводы съ больными потянулись со всѣхъ деревень по направленію къ Алексѣевкѣ. Тутъ были и параличные, и сухорукіе, и хромые, и слѣпые, и въ оспѣ, и въ кори, и въ коклюшѣ; мысль о томъ, что зараза эта можетъ передаться моимъ дѣтямъ, не на шутку стала тревожить меня, и я наняла у сосѣдняго помѣщика просторный флигель, разставила тамъ всѣ свои банки и склянки и стала принимать больныхъ съ Н.

Комната была полна народа. Я перевязывала рану мужику, которому быкъ прокололъ ногу; Н. мѣшалъ какое-то лѣкарство; въ углу, на кожухѣ, стонала лихорадочная женщина; у дверей, на рукахъ матери, плакалъ золотушный ребенокъ; чахоточная дочь старосты тяжело дышала надъ моимъ ухомъ,—казалось, картина больничнаго горя была переполнена лицами и красками, но оказалось, что это не все: отворилась дверь и вмѣстѣ съ струей чистаго воздуха ворвались дикіе, неистовые стоны. Все стихло, казалось, каждый забылъ о своемъ личномъ страданіи, одинъ золотушный ребенокъ попрежнему хныкалъ. На порогѣ показался сильный молодой парень; онъ держалъ въ своихъ мощныхъ рукахъ молодую женщину: ея голова, съ темно-русою косой, была опрокинута назадъ, худощавое лицо было очень блѣдно, глаза полузакрыты, бѣлая рубаха вся въ крови; она билась, какъ ребенокъ, и неистово кричала.

— Боже мой! Что съ нею?—спросила я, быстро подходя.

— Собаки... чабаньски... по степу йшла... сама... у суднаго пана С. сколько вже лыха наробылы воны... чабандви 70 лѣтъ, куды жѣ ему зъ ними справицьця... звалылы и грызлы, грызлы, сколько схотылы,—говорила старушка-мать, вошедшая вмѣстѣ съ ними, прерывая рѣчь рыданіями и вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Мы отнесли больную въ другую комнату, раздѣли, положили на кровать и осмотрѣли раны: ихъ было тридцать семь. Это не были порѣзы, быстро стремящіеся къ заживленію и сращенію при рациональномъ уходѣ,—это были тѣ

раны лохмотьями, которыя медленно поддаются медицинскому уходу. Мы сдѣлали, что могли. Несчастная кричала при всякомъ прикосновеніи мокрой губки, нѣсколько разъ съ нею дѣлался обморокъ, и приходилось пріостанавливать обмываніе, приводя ее въ чувство. Къ несчастію, больная оказалась самымъ нервнымъ субъектомъ, какого можно себѣ представить: кромѣ физической боли, она не могла переносить вида крови, лицо ея нервно подергивалось и во всемъ тѣлѣ дѣлались страшныя конвульсіи. Возиться пришлось не съ нею одною, но и съ матерью,—на ней съ удивительною отзывчивостью повторялись всѣ припадки дочери. Одинъ только парень, мужъ, сохранялъ наружное спокойствіе, силясь помогать намъ въ нашихъ перевязкахъ, но его сильныя руки дрожали на худенькихъ плечахъ жены, и вѣки глазъ покраснѣли отъ слезъ, которыя, казалось, вотъ-вотъ ему не удастся сдержать.

Къ концу перевязки больная нѣсколько успокоилась,—быть-можетъ, лавро-вишневые капли оказали желанное дѣйствіе.

Красавецъ-мужъ снова взялъ ее бережно на руки, какъ ребенка; ея античная головка, съ блѣднымъ, какъ мраморъ, лицомъ, какъ-то безжизненно покоилась на его плечѣ, а тонкія, точно аристократическія, руки обвивали его шею.

На другой день старушка-мать явилась къ намъ вся въ слезахъ и просила сказать, какъ скоро могутъ зажить раны ея дочери.

— Не ранѣе шести недѣль,—отвѣтилъ рѣшительно Н.

Она снова ударилась въ слезы и объяснила, что дома идутъ большія непріятности.

— Свекровь и такъ не любитъ невестку, называетъ ее бѣлоручкой, а тутъ еще эти шесть недѣль: она просто поѣдомъ ее съѣсть,—вѣдь это десять рублей деньгами.

Думали мы, думали, какъ помочь горю, и рѣшили написать мировому судѣ, который славился въ уѣздѣ за челоуѣка честнаго и гуманнаго.

Мировой судья, съ своей стороны, написалъ помѣщику частное письмо, выясняя, что требованія женщины заклю-

чаются въ десяти рубляхъ, а если дѣло пойдетъ судебнымъ порядкомъ, придется заплатить болѣе. Помѣщикъ сначала разсердился, пострацалъ затравить собаками старуху, отнять заработокъ у ея зятя, затѣмъ осѣлъ, сталъ торговаться и сторговался со старухой за 5 рублей.

Мы сидѣли вечеромъ на крылечкѣ, любуясь солнечнымъ закатомъ.

— Опять, мама, къ тебѣ та старуха!—кричали дѣти, выбѣгая изъ воротъ.

Женщина подошла къ крылечку, сдѣлала земной поклонъ и положила передъ Н. 2 р. 50 к. Бѣдняга рѣшила, что половиною своего счастья она обязана намъ и долго пришлось убѣждать ее, что это намъ не слѣдуетъ и не нужно.

Черезъ шесть недѣль пришла молодница, наряженная какъ на праздникъ, и тоже съ земнымъ поклономъ. Особенно выразительно посматривала она съ улыбкою на свои ноги, обутыя въ новые, какъ съ иголочки, башмаки, какъ бы желая сказать: «Посмотрите, ни одной раны и башмаки новые мужъ на радости купилъ!»

Мы принимали больныхъ отъ 8 до 12 ч. дня и послѣ этого считали себя свободными для другихъ занятій и отдыха, но не всегда это удавалось: мы собирались обѣдать, когда во дворъ вбѣжала женщина,—на ней, какъ говорится, лица не было.

— Мій человекъ! Мій Хведотъ Васылѣвичъ! Винъ у васъ у двори дрова рубавъ! Вашъ хозяйинъ зна ёго, такой здоровый чоловікъ!—говорила она безсвязно, всхлипывая.

— Да чтó случилось?

— Ногу соби сокырою зарубавъ!

Мы быстро забрали перевязочныя средства и пошли за женщиной. Въ углу хаты, на подмосткахъ, лежалъ огромный человекъ, и изъ ступни его струилась кровь; посреди хаты стоялъ мальчикъ лѣтъ 11, какъ двѣ капли похожій на отца, и громко ревѣлъ на всю хату.

Оедоть Вас. недовѣрчиво взглянулъ на насъ изъ-подъ густыхъ бровей и какъ-то безнадежно перевелъ взглядъ на рану; оказалось, что услужливыя сосѣдки пробовали уже надъ нимъ свои средства и запорошили разрывъ растеніемъ, напоминающимъ губку. Пришлось очень мучительно очищать рану. *Θ. В.* лежалъ молча и съ достоинствомъ, не издавши ни одного звука. Жена держала трепещущими руками глиняный «глечикъ» съ водою, боясь, видимо, плакать при мужѣ; я силилась утѣшить мальчика, но онъ продолжалъ хныкать, забившись въ уголъ. Остановили кровь. Свели края раны и крѣпко забинтовали.

— Спасибі!—выговорилъ, наконецъ, *Θ. В.*, видимо, увѣровавъ болѣе или менѣе въ наше искусство.

— Да и молодецъ же вы, хоть бы пикнули!—сказалъ *Н.*, вымывая руки.

— Хіба жъ я баба? Зъ роду не кричавъ!—сказалъ молодецъ *Θ. В.*

Мы продолжали ходить къ нему каждый день. Заживленіе шло прекрасно на этомъ здоровомъ тѣлѣ, чуждомъ худосочія и золотухи. Скоро *Θ. В.* такъ мастерски научился бинтовать ногу, что посѣщенія наши сдѣлались излишними.

Время шло. Дѣло двигалось къ осени, и мы, имѣя новыхъ трудныхъ больныхъ, почти позабыли о *Θ. В.*

Разъ передъ вечеромъ собралась кавалькада, дѣти скакали впереди, большіе слѣдовали за ними. Насъ съ *Н* задержали нѣсколько минутъ въ деревнѣ прѣзжіе больные, и мы поотстали отъ другихъ. Вечеръ былъ такъ хорошъ и душистъ, что скакать не было никакой охоты, — хотѣлось ѣхать шагомъ и вдыхать полною грудью этотъ степной ароматъ. Навстрѣчу намъ безпрестанно попадались высокіе воза сѣна. На одномъ изъ нихъ, вся улыбающаяся, убравши голову васильками, сидѣла наша любимица маленькая *Маруся Товстенко*. Всѣ спѣшили домой, только на одной полосѣ задержались какія-то три трудолюбивыя фигуры.

Мы подъѣхали ближе и узнали въ нихъ своихъ старыхъ знакомыхъ—*Θ. В.* съ румянымъ, загорѣлымъ лицомъ, жену его и сынишку. Они тоже узнали насъ и, точно по мановенію, бросили грабли и низко, почти до земли, поклонились

намъ... Любо было смотрѣть на эту счастливую семью и думать, что

„Прогуло прокляте лихо
Та й заснуло!
На хутір снову благодать
Зъ-за гаю темнаго вернулась...“

Шевченко.

Поѣхали мы въ сосѣднюю деревню. Крошечное окошечко въ одной хатѣ точно предвѣщало горе и бѣдность. На дворѣ, на завалинкѣ сидѣло грудное дитя, обложенное, изъ предосторожности, кожухомъ, несмотря на лѣтнее время; другая дѣвочка лѣтъ двухъ, вся испачканная, бродила по двору съ грязными, какъ она, поросятами. Мы вошли въ избу. На полу было разостлано рядно, а на немъ, на протяженіи всей хаты, лежалъ огромный дѣтина лѣтъ 27. Его красивое, мужественное лицо выражало страданіе, губы нервно подергивались, обнажая рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ. Завидѣвши насъ, онъ вдругъ заплакалъ, какъ плачутъ маленькія дѣти: громко, порывисто, совсѣмъ не стыдась своихъ слезъ. Трудно было понять слова, произносимыя имъ среди этихъ всхлипываній, слышалось ясно только одно: «Помогите! Спасите!»

Подлѣ него стояла молодая женщина — жена, съ строгимъ, выразительнымъ лицомъ. Ей какъ будто было стыдно малодушія мужа и она говорила скорѣе съ укоризной, чѣмъ съ жалостью: «Годи плакаты,—слезьмы не поможешь». На глазахъ у нея, дѣйствительно, не было ни слезинки, только лицо было очень, очень блѣдно.

Оказалось, что у несчастнаго параличъ всей лѣвой части тѣла, и его необходимо везти въ городъ, чтобы лѣчить электричествомъ, а до города 26 верстъ и до больного нельзя дотронуться, но исходовъ другихъ нѣтъ,—положили на дроги сѣна, взвалили бѣднягу и повезли.

Вчера мы были у него въ больницѣ, чтобы навѣстить его и отвезти чаю и сахару. Завидѣвши насъ, онъ опять заплакалъ, какъ ребенокъ. Старуха-мать говорила потомъ, что отъ радости, что, завидя насъ, онъ точно родныхъ своихъ увидалъ.

Земскій фельдшеръ сообщилъ намъ, что больной нашъ счастливо попалъ,—въ больницѣ всего десять кроватей и какъ разъ одна освободилась къ его пріѣзду, а сегодня привозили 11-го, такъ повезли назадъ.

Возвращаясь изъ больницы, я мучительно думала, кто былъ этотъ 11-ый, чѣмъ боленъ и куда его повезли.

Мы возвратились на нашу станцію изъ недалекаго путешествія часу въ одиннадцать вечера и искали глазами лошадей и экипажей, но ихъ не было,—вѣроятно, запоздали. Недалеко отъ рельсовъ стояли 3—4 мужика съ телѣгами и дрогами, въ одну и въ пару маленькихъ рыжеватыхъ деревенскихъ клячей, въ тицетномъ ожиданіи пассажировъ, которыхъ на этотъ разъ, повидимому, не было. Мы рѣшились ждать экипажа. Поѣздъ отошелъ, фонари потушили, и мы остались глазъ на глазъ съ темною, безлунною ночью.

— Жаль, что мы не рѣшились ѣхать на дрогахъ,—сказала я мужу,—а теперь мужики разѣхались, и хочешь не хочешь, а жди экипажа хоть до свѣту.

— Нѣтъ, одинъ еще здѣсь,—вмѣшался сторожъ,—такой чудакъ: и поѣздъ отойдетъ, и фонари потушатъ, а онъ все ждетъ у моря погоды, точно домой ѣхать не хочется.

Мы обрадовались этому извѣстію, подрядили мужика-чудака и поѣхали. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ сказалъ тихо, вполоборота, точно говоря самъ съ собою.

— А мени несчастья склалось!..

— Какое?—спросила я съ участіемъ. Мнѣ почудилось въ эту минуту, что случилось, дѣйствительно, что-то страшное,—мужики не любятъ жаловаться по пустякамъ.

— Задумали мы съ женою хату новую построить. Я въ степи былъ, а она съ матерью и дѣтьми глину копать поѣхала. Какъ задумала она ѣхать, дѣтей дома не было, а у сосѣдей были, побѣжала за ними и взяла съ собою. Пріѣхали. Стали копать глину, посадила она ихъ возлѣ себя. Какъ оборвется сверху глина, такъ всѣхъ и задавила!

— Сколько жъ ихъ было?—спросила я съ ужасомъ.

— Да всѣ: мать, жена и четверо дѣвочекъ. Старшенькой восьмой годъ пошелъ, а маленькой—два года. Эхъ, если бъ

вы знали, какія онѣ всѣ умныя да добрыя были: дашь одной бубликъ,—ни за что сама не съѣстъ. Войдешь въ хату—смѣхъ, пѣсни, а теперь какъ въ могилу входишь, просто домой страшно возвращаться.

Въ эту минуту мы поровнялись съ первою угловою хатой въ деревнѣ.

— Ось оце и моя хата!—сказаль бѣднякъ, глубоко вздохнувъ.

Въ окнѣ не было свѣта. Изъ воротъ къ намъ навстрѣчу выбѣжала большая, лохматая деревенская собака и, жалобно визжа, бросилась къ хозяину,—она точно чувствовала все его сиротство.

— Оце и все!—вставиль онъ опять, указывая на собаку. Мы поѣхали дальше.

— Вотъ это видите?—началь онъ, опять указывая куда-то вдаль.—Вотъ эта-то глина... Видите?

Я ровно ничего не видѣла въ темнотѣ, но по тону его голоса чувствовала, что онъ видитъ и глинище, и дорогихъ шесть труповъ.

Желая откликнуться на его горе, я спросила:

— Когда же ты узналь, что ихъ убило?

— Ъхали мужики, смотрятъ—возы съ волами привязанные стоятъ, а людей не видно. Они ближе: смотрятъ—изъ-подъ глины только ноги чьи-то торчатъ. Позвали мужиковъ, откопали. Одинъ за мною пріѣхаль. Пріѣзжаю туда, смотрю—лежатъ какъ живые, вотъ-вотъ заговорятъ! Похоронили... Двадцать рублей истратилъ. Да на что мнѣ теперь, сиротѣ?!..

— А не думаете жениться?—спросила я, зная, насколько просто смотреть на это народъ.

— Да сватають вдову на хуторѣ, у Ю. Г. живетъ, да не хочу.

Въ эту минуту мы остановились. Навстрѣчу намъ ѣхаль нашъ экипажъ. Мнѣ хотѣлось разсмотрѣть лицо этого обездоленного человѣка, выражается ли на немъ вся сила постигшаго несчастья, или это обыкновенное сѣрое, безцвѣтное мужицкое лицо, такое загрубѣлое, такое суровое, что не прочтешь на немъ ничего, кромѣ безропотной покорности,

но ночь была темная, я ничего не видѣла и только сердцемъ чуяла всю силу его горя и понимала, почему онъ такъ долго, долго ждетъ пассажировъ и почему не хочется ему возвращаться домой.

Въ больницу вошелъ старикъ лѣтъ 55 или 60-ти, немощно передвигая ноги и грустно понуря сѣдую голову. Его замѣчательно правильное лицо выражало не столько физическое страданіе, сколько какую-то тяжелую, безысходную грусть; сдвинутыя брови и сомкнутыя губы точно хранили мучающую тайну, и общее выраженіе лица привлекало и трогало до боли.

Мнѣ очень хотѣлось подойти къ нему послѣ всѣхъ, точно предчувствіе говорило мнѣ, что это не заурядный больной, а особенный, исключительный, и я выждала, пока всѣ разошлись.

— Что болитъ?—спросила я съ участіемъ.

— Внутри болить,—сказалъ онъ грустно, оглядываясь, какъ бы желая удостовѣриться, что никого больше нѣтъ, и, еще ниже опустивши голову, съ усиліемъ прибавилъ:— Меня били, и здорово били!

Дико и странно прозвучало въ моихъ ушахъ слово «били» при видѣ этого старика, внушающаго полное уваженіе и симпатію.

— Господи! Какъ же это случилось?—спросила я, и, вѣроятно, въ голосѣ слышалось довольно участія, потому что старикъ, взглянувши прямо мнѣ въ глаза, началъ просто и печально передавать свое горе.

— Я староста,—началъ онъ, и насмѣшливая улыбка скользнула по его лицу,—долженъ наблюдать за общественнымъ добромъ, а въ Ю. у насъ содержитъ шинокъ кулакъ-богачъ. Вотъ народъ и сталъ приставать ко мнѣ, что общество могло бы имѣть отъ кабака прибыль, а не онъ... Я поѣхалъ къ члену по крестьянскимъ дѣламъ М. П., онъ и далъ разрѣшеніе. Приѣзжаю я домой, докладываю народу: такъ-то и такъ-то,—ну, всѣ рады. На другой день вечеромъ приходитъ ко мнѣ шинкаръ, я прошу его садиться, сидятъ у меня тутъ же писарь и еврей. Онъ было и сѣлъ, какъ

разъ подлѣ меня, да вдругъ какъ подымется: «Ахъ ты такой-сякой, такъ ты позволеніе себѣ выхлопоталъ... Бей его!» Тутъ какъ выскочило 13 человѣкъ, нанятыхъ имъ, повалили на землю, жена кричитъ караулъ, сынишка тоже, они швырнули его на печку, ее объ стѣну головой, такъ и раскроили; лежитъ она безъ дыханія въ сѣняхъ, сынишка на печи воетъ. Писарь и еврей сидятъ, не мѣшаются, — куда ужъ тутъ вмѣшаться, когда ихъ 14 человѣкъ; кричатъ, народъ спитъ, да и сосѣди-то у меня — кому 60, кому 70 лѣтъ.

«Били они меня, били и колѣнками въ грудь, и сапогами, а потомъ повелъ онъ ихъ прямо въ шинокъ и поилъ онъ ихъ тамъ до утра. На утро присылаетъ сказать, что онъ заплатитъ мнѣ 25 р., чтобы помириться. Я отвѣчалъ, что и 2.500 за жизнь свою и за безчестье свое не возьму. Подаль я жалобу мировому судѣ, говорить: «Не мое дѣло, — у васъ есть волостной судъ». Я въ волостной судъ, а тамъ все подвластные люди сидятъ, боятся богача. И свидѣтели у меня есть: писарь и еврей. Нѣтъ, говорить, этого намъ мало, — нужно свидѣтельство отъ доктора. А какое тутъ свидѣтельство, когда я отъ Петрова дня лежу и хлѣбъ на корню стоитъ, — одинъ я работникъ, некому прибрать. А онъ говоритъ: «Нигдѣ не найти тебѣ суда и права, всѣхъ закуплю, ничего не пожалѣю, 300 р. заплачу, только не тебѣ». Вотъ я и пришелъ къ вашей милости, чтобъ осмотрѣли вы меня и выдали бы свидѣтельство».

Н. выслушалъ грудь и нашель, что у него отъ побоевъ сдѣлалось воспаленіе подреберной плевры, грозящее перейти въ воспаленіе легкихъ, но объяснилъ при этомъ, что свидѣтельство можетъ выдать только городской докторъ, такъ какъ онъ, Н., не окончилъ еще курса и давать свидѣтельства не имѣетъ права. Написали мы письмо и направили къ доктору К.

Суда и права мы не добились. Патентованный докторъ не захотѣлъ выдать свидѣтельство, что воспаленіе легкихъ произошло вслѣдствіе побоевъ, такъ какъ со дня побоевъ прошелъ узаконенный срокъ. Старикъ умеръ. Кулакъ С. благоденствуетъ, но мнѣ, къ счастью, представился случай отомстить ему.

Во время приѣма въ школу, которую мнѣ удалось осуществить въ Алексѣевкѣ, въ приѣмную вошелъ человѣкъ высокій, плотный, въ синей суконной поддевкѣ, въ новыхъ сапогахъ. Онъ напоминалъ горожанина.

— Я С., — сказалъ онъ развязно, какъ говорятъ люди, увѣренные въ своей популярности и играющіе видную роль въ своемъ околоткѣ, — пріѣхалъ просить васъ принять дѣтей въ школу.

Я измѣрила его взглядомъ и отвѣчала въ упоръ:

— Вы С.? Помните ли Ю-скаго старосту?! Мы не принимаемъ въ школу дѣтей разбойниковъ, — можетъ-быть, они похожи на васъ!

С. растерялся, несмотря на всю свою первоначальную развязность.

— Это все враки! — пробормоталъ онъ сквозь зубы, но я подошла уже къ другимъ родителямъ, показавъ этимъ, что всѣ наши счета кончены. Онъ сконфуженно вышелъ.

— *Такъ ему и треба!* — слышалось въ толпѣ.

Народные учителя и народная школа.

Получивши разрѣшеніе на открытіе школы въ Алексѣевкѣ, я серьезно задумалась надъ мыслью объ учителѣ. Откуда пригласить его? Останавливалась я и надъ учительскими семинаріями и надъ столичными педагогическими курсами, — нѣтъ, все не то: забросишь сюда, въ глушь, чужого человѣка, — чужого до непониманія даже языка своихъ питомцевъ, одолѣетъ его тоска по родинѣ, по обществу, заскучаетъ, — невозможно! Необходимъ мѣстный человѣкъ, который сжился съ этимъ народомъ, привыкъ къ нуждѣ, къ лишениямъ; надо прежде оглядѣться кругомъ, а потомъ уже итти на поиски въ чужіе края. И я принялась искать.

Во время этихъ поисковъ явилась ко мнѣ старая помѣщица, бывшая владѣтельница нашей деревни, тощая, нервная, раздражительная женщина, начавшая и окончившая свой визитъ словами: «Я пріѣхала, — говорила она, всхлипывая, — просить у васъ мѣста учительницы; у меня семеро дѣтей. Конечно, я не дошла бы до такого униженія, но мнѣ

уголь нуженъ,—не могу же я, какъ теперь, переѣзжать отъ однихъ родственниковъ къ другимъ. Да къ тому же, въ мои лѣта и невозможно такія передвиженія предпринимать, я и такъ почти слѣпая, почти что не могу читать. Конечно, мы сами виноваты, что не сумѣли сберечь денегъ, когда продали вамъ имѣніе, пораздавали ихъ по рукамъ, а теперь пріѣдешь къ нимъ, велятъ гнать въ шею,—конечно, сдѣлаешься раздражительною».

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ рыданій, ропота и причитаній.

Меня просто обуялъ какой-то ужасъ при видѣ такой народной учительницы, я потеряла въ эту минуту всякую чуткость состраданія, мнѣ даже совсѣмъ не было жаль ея и одно только чувство ужаса за школу наполняло всю душу.

Между тѣмъ м-ме З. сказала мнѣ, что встрѣтилась съ теткой Г., которая просила его рекомендовать мнѣ бывшаго учителя В. школы Ф., очень хорошаго молодого человека. М-ме З. не помнила въ точности разговора съ Г., но ей запомнилась одна картинка: Ф. очень любилъ дѣтей и очень любилъ устраивать дѣтскіе праздники. И вотъ къ экзамену, желая чѣмъ-нибудь отпраздновать этотъ торжественный для дѣтей день, онъ выпросилъ у сосѣднихъ помѣщиковъ ковры и вазы, нарвалъ цвѣтовъ и такъ убралъ и разукрасилъ бѣдную деревенскую хату, что ее невозможно было узнать.

Картинка сама по себѣ совсѣмъ незатѣйливая, но почему-то мнѣ она врѣзалась въ память, и я дала себѣ слово подробнѣе разузнать о героѣ этой картинки. Я поѣхала къ тетукѣ Г., рассчитывая застать ее въ только что купленномъ нами разоренномъ имѣніи и полуразрушившемся домѣ, но ея тамъ не оказалось,—сказали, что она переѣхала уже къ сестрѣ своей въ деревню С. Я поѣхала туда. Меня встрѣтила худая, длинная старая дѣва, вся въ черномъ, съ подвязанной опухшей щекой. Вся эта фигура производила какое-то тяжелое, безотрадное впечатлѣніе, и только одни кроткіе, большіе голубые глаза производили примиряющее впечатлѣніе.

— Какъ я рада васъ видѣть,—говорила она, искренно пожимая мнѣ руки и какъ-то покровительственно цѣлуя меня въ лобъ,—какъ я рада, что именно *вамъ* досталось наше имѣніе. Вы будете продолжать то, что мы начали. Пока былъ живъ братъ, пока у насъ были средства, мы лѣчили больныхъ, помогали бѣднымъ, открыли школу... Конечно, все это теперь въ упадкѣ, почти разрушилось, но я до послѣднихъ дней все старалась поддерживать, особенно школу. Учитель, напримѣръ, очень хорошо, очень добросовѣстно относился къ дѣлу, но минутами и онъ изнемогалъ: зима, холодно, здоровье у него слабое, а у него шубы нѣтъ,—священникъ, по крайней мѣрѣ, въ шубѣ въ классѣ сидитъ,—не топлено, дровъ нѣтъ, а онъ въ пальтишко трясется. Пойду я въ волость, соберу знакомыхъ мужиковъ, стану уговаривать, вѣдь ваши же дѣти,—ну, знаете, все-таки хоть нѣкоторое влияніе сохранилось,—привезутъ дровецъ, вытопятъ. Бѣдота тоже! Или слышу отъ другихъ—самъ онъ деликатный ни за что не скажетъ,—что третій день какъ онъ себѣ ѣсть не варилъ, голодаетъ; жалованье скудное—150 рублей, а онъ еще на школу, на книжки ихъ тратитъ, свѣчи покупаетъ, по вечерамъ съ старшими мальчиками занимается, которые страсть большую къ ученью имѣютъ,—ну, какъ же послѣ этого не голодать? Вотъ я и пошлю ему чего-нибудь отъ себя... такъ, въ деликатной формѣ. Отсылаетъ назадъ и идетъ объясняться, что это напрасно, что все это преувеличено, что онъ сытъ; что есть люди, которые гораздо больше голодаютъ, чѣмъ онъ, и живы. И вѣдь онъ самъ себѣ готовилъ: бывало, придешь, засучены рукава, тѣсто мѣситъ. Да и откуда взять... У насъ жена причетника шесть рублей за обѣдъ беретъ, а вѣдь это половина всего жалованья. Ну, книги онъ любилъ, ужасно любилъ, я ему доставала у сосѣдей, а у насъ, которыя были, всѣ перечиталъ. «Вѣстникъ Европы» за нѣсколько лѣтъ—отъ доски до доски. Знакомствъ никакихъ не любилъ, только у насъ бывалъ. Хотѣлось бы мнѣ показать вамъ, какъ онъ пишетъ, да нѣтъ здѣсь писемъ, а попросите у начальника станціи: я знаю, они вмѣстѣ романъ какой-то читали, да

не вышелъ конецъ, когда онъ уѣхалъ, такъ онъ писалъ по этому поводу длинное письмо и просилъ написать ему конецъ романа. Это письмо вы можете достать. Ну, сколотилась я какъ-то съ деньжонками, купила портретъ государя въ рамкѣ. Я теперь отдала его священнику, чтобы урядника дѣти не испортили—вѣдь онъ теперь тамъ въ школѣ живетъ, и знаете ли вы, что я васъ попрошу: если вы будете передѣлывать новую школу на роскошную, конечно, ногу, то не дарите уряднику этого портрета. Тамъ есть шкафикъ для книгъ—это тоже я дѣлала,—кровать и 2 стула; продайте все это и купите азбукъ, что ли, только не уряднику,—вѣдь это обидно!

«Вы знаете, я была попечительницей школы, только вѣдь мнѣ не нужно было этого названія, я такъ—изъ любви къ дѣтямъ. Прежде мнѣ не такъ стыдно было такъ называться, когда я больше помогала матеріально, а послѣднее время меня стало это тяготить,—ну, какая я попечительница, когда ничѣмъ не могу помочь?.. Вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ въ края NN., богатый человѣкъ, брать уголь на аренду, что ли,—я этихъ дѣлъ не понимаю. Мы къ нему съ просьбой о попечительствѣ. Согласился. Мы начали мечтать, какъ оправить школьныя парты, какъ купить сапоги нѣсколькимъ дѣтямъ—совсѣмъ босыя,—какъ вдругъ слышимъ, что онъ поссорился съ другимъ арендаторомъ и пришелъ въ такое дурное расположеніе, что не намѣренъ ничего дать на школу... А тутъ это постановленіе земства взносить 200 руб., но гдѣ же ихъ взять? Мужики очень бѣдны, а особенно иные... И хоть бы 100, а то 200. Вѣдь это ужасно.

«А если бы вы знали, какъ этотъ учитель хорошо занимался. Первый годъ у насъ священника не было, онъ и за него училъ, и что жъ вы думаете вышло? Пришло время экзамена, ученики отлично держатъ экзаменъ, вдругъ объявляютъ, что аттестатовъ, облегчающихъ воинскую повинность, имъ дать нельзя, потому что они не слушали батюшку, и едва-едва дали одному,—такой способный мальчикъ, не повѣрите! Я такъ была рада, что послѣ этого экзамена позвала его къ себѣ и подарила 1 р. с. Подарила

бы и больше, но, честное слово, не было, а онъ сейчасъ же понесъ этотъ рубль учителю. Тотъ говоритъ: «Что ты, Богъ съ тобой!», а онъ говоритъ такъ твердо и рѣшительно: «Нѣтъ, вы должны принять, В. М.: если бы не было васъ, я бы его не получилъ». Толковали, толковали, наконецъ, учитель взялъ и говоритъ: «Ну, теперь онъ мой?»— «Вашъ!»— «Такъ вотъ я и дарю его тебѣ!»

«Училъ ихъ пѣнію. Позанимается немного, а потомъ пѣтъ: «Это чтобы они отдохнули немножко, Е. И.», говоритъ мнѣ. И въ церкви пѣли. Въ послѣднее воскресенье стоимъ мы у обѣдни и слышимъ рыданіе. Оглядываемся— Ваня, одинъ изъ нашихъ учениковъ. Я къ нему: «Чего ты, Ваня», а онъ тихо, сквозь рыданія: «Оттого, что вы уѣзжаете». Я вывела его изъ церкви, стала уговаривать: «Я буду пріѣзжать къ вамъ, буду читать вамъ книжки, какъ читала,— не плачь!»

«Послушайте,—сказала она вдругъ, обращаясь ко мнѣ и взявши меня за руки, и тономъ скорѣе повелительнымъ, чѣмъ умоляющимъ, хотя въ немъ слышалась и нота моленія:—вы должны поддержать эту школу,—я не могу допустить мысли, что въ В. не будетъ школы; стара я, скоро умру, но я умру спокойнѣе, если вы дадите мнѣ это слово. Лучше устраивайте менѣе роскошно вашу школу въ А., но эту поддержите, нужно скорѣе сдѣлать народъ грамотнымъ,—весь народъ. Поддержите тоже В. М.,—это человѣкъ способный далеко итти. Вы знаете, что въ послѣднее время, напримѣръ, онъ началъ изучать нѣмецкій языкъ, чтобы читать нѣмецкихъ педагоговъ, и вообще онъ знакомъ съ преподаваніемъ, отлично изучилъ звуковую методу и преподаваніе ариѳметики по Грубе. Положимъ, онъ воспитанія небольшого: былъ въ уѣздномъ училищѣ и въ штейгерской школѣ, да и тамъ не окончилъ по слабости здоровья, но что такое воспитаніе безъ желанія итти впередъ?.. И такъ, вы даете мнѣ слово?»

Я молча протянула руку, потому что не могла ничего выговорить отъ слезъ.

Дорогой я давала себѣ слово взнести тотчасъ же, не медля ни минуты, эти зловѣщіе 200 р., если есть какая-

нибудь возможность заниматься въ обветшалой школѣ Е. И., и съ этою цѣлью я заѣхала къ уряднику. Войдя въ низкую, развалившуюся дверку, я застала такую картину: къ стѣнамъ были плотно придвинуты старыя грязныя парты, на стѣнѣ красовались шапка и сабля урядника, какъ-то странно дисгармонируя съ классною мебелью; у дверей, точно на часахъ, стоялъ школьный шкафъ—узкій, высокій, выкрашенный черною краской и напомнившій мнѣ почему-то Е. И. Онъ смотрѣлъ старымъ часовымъ и имѣлъ какой-то особенно зловѣщій видъ потому еще, что на немъ красовались двѣ большія печати, только что приложенныя нынче по случаю окончательнаго закрытія школы.

Мнѣ хотѣлось стать на колѣни и поклониться этому шкафу и этимъ скамьямъ, какъ святынѣ, но видъ урядника прогналъ этотъ «благій порывъ», и я спросила его изъ учтивости: «Что вамъ здѣсь удобно?» — «Ничего-съ, только вотъ потолоки опасны-съ», отвѣчалъ онъ тономъ человѣка, желающаго что-нибудь выпросить.

Я взглянула на низенькіе, висящіе надъ моею головою потолоки: они, дѣйствительно, грозили вотъ-вотъ обрушиться. Я быстро вышла изъ этого душнаго убѣжища, съ грустью подумавъ: «Отжила ты, бѣдная школа Е. И., скоро ли вмѣсто тебя народится новая, просторная, свѣтлая, съ чистымъ воздухомъ, или долго еще нищіе учителя будутъ наживать въ тебѣ ревматизмы и чахотку, а нищіе отцы привозить разъ въ мѣсяцъ возикъ хворосту, благодаря увѣщаніямъ бѣдной Е. И.?»

Поиски мои, однако, въ концѣ-концовъ, увѣнчались успѣхомъ: я отыскала В. М., пригласила быть учителемъ Алексѣевской школы и успокоилась. Онъ дѣйствительно производилъ впечатлѣніе человѣка, чрезвычайно тепло и искренно относящагося къ народу и школѣ.

Въ сентябрѣ мы переѣхали въ городъ. Со школой, конечно, сохранилась связь: пишетъ учитель, пишутъ дѣти. Знаешь біографію почти каждаго ребенка. Въ скоромъ времени, слыша отовсюду о голодающихъ Бахмутскаго, Изюм-

скаго и Зміевского уѣздовъ и не зная, что дѣлается у насъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ, я сдѣлала запросъ учителю, въ какомъ состояніи находится вопросъ о хлѣбѣ у нашихъ крестьянъ. Онъ отвѣчалъ, что хлѣбъ еще есть, за исключеніемъ пяти семей, въ которыхъ вотъ уже три дня ѣдятъ картофель. Въ этихъ пяти семьяхъ нѣтъ взрослыхъ работниковъ, могущихъ имѣть заработокъ на шахтахъ.

Я сдѣлала немедленное распоряженіе о выдачѣ имъ соотвѣтствующаго количества хлѣба, а затѣмъ сама выѣхала въ деревню удостовѣриться лично въ степени народныхъ бѣдствій.

Къ счастью, оказалось, что хлѣбъ пока есть, милостыни не просятъ, какъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, хотя относительно весны являются нѣкоторыя сомнѣнія, хватить ли хлѣба.

— Вотъ вы тогда пожалуйста къ намъ въ гости!—говорилъ мнѣ, самодовольно улыбаясь, нашъ сытый приказчикъ С., точно будто дѣло шло въ самомъ дѣлѣ о какомъ-нибудь *partie de plaisir*; впрочемъ, вѣроятно, онъ такъ и понималъ мое посѣщеніе и мои разспросы, и радъ бы выискать для моего удовольствія голодающихъ, но неоткуда. Тѣмъ не менѣе я просила заявить по деревнѣ, что если кто въ чемъ нуждается, пусть приходятъ.

— Х. Д., нищіе пришли!—сказала мнѣ моя горничная Маша.

— Введите ихъ сюда!—отвѣчала я съ болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ.—Это слово «нищіе», такое заурядное въ городѣ, вызывающее въ насъ почти только презрѣніе къ тунеядству и лѣни, здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ промыселъ такого рода не практикуется, просто пахнуло на меня какимъ-то ужасомъ.

Двери отворились. Въ комнату ворвалась струя холоднаго свѣжаго воздуха, и на порогѣ показались «нищіе». Я никогда не видала болѣе трогательной картины: старшему мальчику было года четыре. Старенькая свиточка, вся въ лохмотьяхъ, покрывала его худенькое тѣло; черезъ плечо, на веревочкѣ, былъ надѣтъ дырявый холщевой мѣшокъ; правая рука его лежала на плечѣ братишки лѣтъ

трехъ, черненькаго, быстроглазаго мальчика, въ такой же свиточкѣ и съ такимъ же мѣшечкомъ.

— Что это такое?—спросила я нашего приказчика, указывая на этихъ игрушечныхъ нищихъ.

— Отецъ у нихъ померъ, а у матери еще третье грудное дитя. Трудно ей съ ними прокормиться, вотъ и посылаетъ побираться. Впрочемъ, сами разсудите, Х. Д., вѣдь это прирожденный нищій навѣки, слѣпой-то, а братъ—поводырь,—не можетъ же онъ безъ поводыря. И я вамъ скажу, ихъ очень жалѣютъ, такъ что они всегда сыты.

Видя, что это меня мало утѣшаетъ, мужъ мой замѣтилъ:

— Все это у нихъ такъ патріархально, что, право, въ этомъ нѣтъ ничего особенно печальнаго, да и съ гигиенической точки зрѣнія взгляни на младшаго ребенка: онъ совсѣмъ здоровъ, проводя цѣлый день на воздухѣ, а сиди въ дымной хатѣ,—было бы хуже. Но мать, конечно, слѣдуетъ позвать и оказать нѣкоторую помощь.

Маленькимъ нищимъ дали по бѣлому хлѣбу и велѣли позвать маму. Они ушли.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь скрипнула, и въ переднюю вошла дѣвочка лѣтъ 13—14, въ старой заплатанной свиточкѣ и грязномъ черномъ платочкѣ, закутывающемъ ея маленькую голову. Черные глазки смотрѣли наивно, совсѣмъ по-дѣтски.

— Вы мене кликали?—сказала робко дѣвочка, опуская глаза и какъ бы боясь чего-то.

— Нѣтъ, милая, я тебя не звала. Кто тебѣ сказалъ объ этомъ?

— Та діти! Приказували, щобъ мати прійшла!

Я ничего не могла понять.

И. И. (приказчикъ) поспѣшилъ къ намъ на помощь.

— Это, Х. Д., мать этихъ маленькихъ нищихъ.

— Да она сама ребенокъ, помилуйте!

— Да вѣдь у нихъ рано замужъ отдають.

Эта недоразвившаяся дѣвочка-мать, эти трехлѣтнія нищія дѣти и смерть отца, кормильца семьи,—о, какая это глубокая, потрясающая душу, драма и какъ безслѣдно

пройдетъ она въ жизни, никѣмъ незамѣченная и не оплаканная!

Назначили ребенку - матери 2 пуда муки въ мѣсяцъ, дали 3 руб. на сапожонки маленькимъ нищимъ, и только... Что жъ можетъ сдѣлать больше жалкая частная благотворительность?

Подъѣзжаемъ мы къ школѣ. Изъ окна выглянула дѣтская голова, и на крыльцо быстро юркнула дѣтская фигурка. Это былъ Мытька. Но прежде всего объ этомъ Мытькѣ. Когда позапрошлымъ лѣтомъ я собрала къ себѣ дѣтей учиться, ко мнѣ пришло все мѣстное населеніе между 7-ю и 12-ю годами. Ихъ было около 30 человекъ. Не шель только Мытька, и когда я спросила: «Почему онъ не хочетъ учиться?» дѣти отвѣчали мнѣ:

— Винъ каже: не хочу учыцца! Хай тамъ дають канхветы, медяныкы, — не пиду, а воливъ пастыму й безъ медяныкивъ и канхветивъ.

— Онъ говоритъ: не хочу учиться! Пускай тамъ конфекты и пряники дають, — не пойду, а воловъ пасти и безъ конфектъ и безъ пряниковъ буду.

Меня удивили такія слова въ десятилѣтнемъ ребенкѣ, но «зазывать» въ школу дѣтей я не люблю, а поэтому терпѣливо выжидала случая повидаться съ отцомъ или матерью Мытьки. Между тѣмъ, о немъ ходила дурная слава: говорили, что онъ пьетъ водку и курить и такъ ругается, что стыдно слушать. Наконецъ, я-таки свидѣлась съ отцомъ Мытьки и разговорилась. Отъ него я узнала, что мальчика отдавали въ ученіе въ сосѣднюю деревню къ отставному солдату—страшному пьяницѣ, что учитель билъ его до полусмерти.

— Якъ тилькы ще винъ ёго не убывъ?... Хиба можна вчыты безъ бійкы?

— И какъ онъ его только не убилъ? — рассказывалъ мнѣ отецъ, а на мои замѣчанія отвѣчалъ:—Развѣ жъ можно учить не бивши?

Грамотѣ Мытька не учился, хотя отецъ и купилъ за пятакъ азбуку, зато научился курить, пить водку и ругаться. Этимъ и окончилась его наука. Послѣ этого повѣствованія мнѣ сталъ ясенъ скептицизмъ Мытьки, и мнѣ стало невыразимо жалъ его, но зазывать я все-таки не хотѣла. Пусть присмотрится къ новой школѣ, пусть разспросить о ней у другихъ дѣтей.

И Мытька дѣйствительно, повидимому, наблюдалъ: учимся мы на балконѣ въ саду, а онъ сидитъ на заборѣ верхомъ и смотритъ во всѣ глаза; идемъ на лодкѣ кататься, — онъ первый вычерпываетъ воду изъ лодки; станемъ пѣсни пѣть, и онъ присосѣдится, подтягиваетъ, но учиться не идетъ.

Случилось несчастье: полиція прихлопнула нашу школу; разбрелись бѣдные перепуганные птенчики по своимъ хатамъ. Я стала хлопотать—шли дни, недѣли, мѣсяцы. Наконецъ, 5 сентября, получено было разрѣшеніе. Радостная вѣсть облетѣла хаты. Я не спала всю ночь отъ волненія, встала ни свѣтъ, ни заря и вышла на крылечко. Въ воротахъ торчала какая-то дѣтская фигурка. Всмотриваюсь: Мытька.

— Ты чего такъ рано?

— Учыщца прійшовъ!

Усю ничъ не спавъ, помы
дождався свиту.

— Учиться пришелъ!

Всю ночь не спалъ, пока
дождался свѣту.

Чувство побѣды наполнило мою душу. Мытку приняли въ школу, а я уѣхала въ городъ. Черезъ мѣсяць получаю письмо отъ учителя такого содержанія: «Къ сожалѣнію, долженъ извѣстить васъ, что Мытька Поповъ исключень изъ школы:—онъ настолько грубъ и непослушенъ, что подаетъ дурной примѣръ другимъ дѣтямъ. Говоришь ему, положимъ: «Мытька, иди играть съ дѣтьми!»—«Не хочу!» Заупрямится, надуется, сидитъ. Оставишь его въ покоѣ, — вдругъ, какъ ураганъ, сорвется съ мѣста и бѣжитъ, какъ бѣшенный, махая кулаками направо и налево и спшибая съ ногъ всѣхъ ребятишекъ, попадающихся на пути. Третьяго дня расшибъ до крови ухо одному изъ товарищей, испор-

тилъ вѣсы и проч. и проч. Увѣщанія мои на него совершенно не дѣйствуютъ».

Ѣду въ деревню. Всѣ дѣти веселы, всѣ въ сборѣ. Нѣтъ только Мытьки. Посылаю за нимъ. Было уже холодно. Листья осыпались. Голыя деревья и пасмурное небо наводили тоску. Вижу издали—ведутъ Мытку въ сѣренькой, точно арестантской, свиточкѣ, въ фуражкѣ безъ козырька, и такъ показался онъ мнѣ похожимъ въ эту минуту на настоящаго арестанта съ поникшею головой и опущенными внизъ глазами, что сердце во мнѣ сжалось какъ бы горькимъ предчувствіемъ, и я подумала:

«Если школа оттолкнетъ его отъ себя, не распишется ли она этимъ въ своемъ безсиліи? И если она откажется отъ него, кто же еще поможетъ ему?» Я думала такъ, но рядомъ со мною стоялъ учитель. Его блѣдное лицо говорило мнѣ: «Не подрывайте моего авторитета! Вы уѣдете, а я останусь съ нимъ. Это больше мое, чѣмъ ваше дѣло». И я не смѣла сразу простить Мытку. Я обрисовала ему его поведеніе, сказала, что онъ можетъ еще исправиться, если захочетъ, но что школа не можетъ терпѣть такихъ буяновъ, обижающихъ товарищей, а учитель не можетъ имѣть дѣла съ непослушными дѣтьми.

Всей своей рѣчи я хотѣла придать какъ можно больше строгости, чтобы не поощрять распушенности въ школѣ, но, вѣроятно, голосъ и выраженіе лица измѣняли мнѣ, такъ что Мытка принялъ все это за полное прощеніе и, весело поднявъ голову, пошелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Для меня было ужасною пыткой разочаровывать его, но я опять увидѣла укоризненное лицо учителя и вынуждена была разочаровать, причемъ, однако, общала ему, что онъ непременно будетъ принять на слѣдующую зиму, если будетъ хорошо вести себя дома, о чемъ мы узнаемъ отъ его старшаго брата (отличнаго юноши лѣтъ 15, кончающаго школу).

Прошло лѣто. Мытка опять ходилъ за нами всюду, какъ тѣнь. Приниженности его какъ не бывало. Онъ гордо держалъ попрежнему свою стриженую голову, а большіе бойкіе сѣрые глаза смотрѣли съ тѣмъ же задоромъ, съ

тою же отвагой, какъ бы говоря: «Я ничего не боюсь, мнѣ все нипочемъ!» Какъ-то мать его рассказывала мнѣ смѣясь:

— И що воно за хлопець? И побыты не можно — заразъ кричить: «Вы, мамо, не бийтесь, а то я побiju X. Д. скажу. Вона за мене заступыця. Вона каже, що теперъ бытись не можно».

— И что за хлопецъ, и побить его нельзя, — кричить: «Вы, мама, не деритесь, а то я побѣгу X. Д. скажу. Она за меня заступится. Она говорить, что нельзя теперь драться!»

Осенью его приняли въ школу, а черезъ два-три мѣсяца учитель писалъ мнѣ: «Мытька Поповъ ведетъ себя примѣрно и учится прекрасно. При малѣйшемъ поползновеніи къ прежнимъ шалостямъ стоить только сказать ему: «Мытька, напишу X. Д.,—сейчасъ какъ рукой сниметъ».

Вотъ этотъ-то самый Мытька Поповъ завидѣлъ насъ первый и выскочилъ на крылечко. Можете себѣ представить, какъ мнѣ было пріятно видѣть его, да и всѣ эти блестящія глазки, смотрящія на меня съ неподдѣльной дѣтскою радостью. Перецѣловавши ихъ и забывши даже снять пубу, я стала ихъ экзаменовать. Читали, писали, дѣлали задачи, рисовали, пѣли. Читаютъ прекрасно, рассказываютъ тоже, хотя и съ малорусскимъ акцентомъ, знаютъ массу стиховъ вполне сознательно.

Задала я тему для сочиненія: «За что они любятъ школу?» И что были за отвѣты—восторгъ! Пишетъ, напримеръ, такъ: «Я за то люблю школу, что это хорошее дѣло,—не было бы школы, не умѣлъ бы я читать и писать. Люблю я школу за то, что въ ней хорошій учитель, что много книгъ, которыя я могу читать, что весело мнѣ въ ней, что по стѣнамъ виситъ много картинъ, и стоитъ она на горѣ, и видно изъ окошекъ много зелени».

Ну, не прелесть ли это?! Рисуютъ прекрасно по образцамъ изъ прописей, но Мытька нарисовалъ безъ образца «съ головы», какъ выражается онъ, такую типичную хатку, что точно срисовалъ съ натуры, по бокамъ два тѣнистыхъ дерева, а изъ трубы идетъ дымъ.

Вглядываясь въ Мытку, я замѣтила, что лицо его преобразилось: какія-то мягкія тѣни легли на немъ. «Вочеловѣчилась эта стихійная сила», подумала я.

Раздала я пряники и конфеты и поѣхала обратно. На плотинѣ торчалъ Мытка и еще нѣсколько мальчиковъ.

— Тутъ страшно ѣхаты.	— Тутъ опасно ѣхать.
Ратуваты прійшлы! — кри-	Спасать пришли! — кричалъ
чалъ онъ вслѣдъ.	онъ вслѣдъ.

Кое-какъ мы переправились черезъ греблю (плотину). Я оглянулась. Маленькія фигурки еще стояли у берега, провожая насъ глазами.

Опять въ деревнѣ.

К о р о в а.

— Пришла къ вамъ мать Филиппа Дегтярева!—сказали мнѣ. Я вышла.

— А я къ вамъ съ просьбою, Х. Д.,—начала говорить худошавая и плохо одѣтая женщина.—Вы помѣстили на рудникѣ Романа и Архипа Попова, а мой Филиппъ учился не хуже ихъ, а мы куда бѣднѣе противъ нихъ, у меня восемь человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше, Филиппъ старшій!

— Малъ онъ немножко,—замѣтила я.—Романъ и Архипъ старше, но, я думаю, можно будетъ помѣстить и вашего; похлопочу!

— Похлопочите, Христа ради, а то у насъ землицы мало, сами управимся, а въ конторѣ все-таки положутъ мальчику какое-нибудь жалованье, все-таки хоть маленькая помощь намъ будетъ. Горькое наше житье, а тутъ еще несчастье: корова у насъ была, кормилица наша, ужъ и любили же мы ее и жалѣли. Бывало, съ череды какъ гонять, всѣ дѣти идутъ встрѣчать: «Вонъ рыжая наша молочко несетъ!» Подмою ее чистенько, поила ей намѣшаю. Только и было у насъ радости, что эта корова! Только приходитъ она разъ такая скучная, поила не пьетъ. Ну, думаю, Богъ дастъ поправится, на другой день еще скучнѣе, прихрамываетъ. Я до сосѣдей: такъ-то и такъ-то, а сосѣдній мальчонка и говоритъ мнѣ: «А я видѣлъ, тетенька, какъ вашу корову пастухи били, страсть! Какъ они ее только не убили! Разсаду она пастуховскую поѣла, такъ они ее дубиною подъ бока, она, бѣдная, черезъ тынъ перескочила, а они за нею!» Какъ услышала я это, просто ноги подо

мною подкосились. Бѣгу въ поле, и сама не чувствую—я ли это иду или кто другой? Прибѣгаю. Къ пастуху, а онъ: «Вонъ твоя корова лежитъ, околѣваетъ!»—«Отчего?» А онъ: «А я почему знаю!» Я къ ней, а она, голубушка моя, ужъ и похолодѣла. Я опять къ нему: «Ахъ, вы нехристы проклятые! Бога вы не боитесь! Отняли вы хлѣба кусокъ у сиротъ! Будьте вы прокляты съ дѣтьми вашими и со всѣмъ вашимъ родомъ!..»

«А саму просто лихорадка бьетъ, и слезы, слезы такъ и затуманиваютъ глаза.

«А онъ говоритъ мнѣ: «Молчи, баба, чтобъ и тебѣ не было того, что коровѣ!»

«Пришла я домой. Господи! Лучше бы ужъ мнѣ и не возвращаться! Ребятишки такой вой подняли, что хоть изъ дому бѣги. А Филиппъ ушелъ куда-то, видно, тамъ потихоньку наплакался, онъ у насъ никогда громко не плачетъ...

«Теперь, какъ гонять череду, такъ сердце и ноетъ, нѣту нашей кормилицы, не къ кому намъ итти навстрѣчу!..

— Что же, вы никому не жаловались на этихъ разбойниковъ?

— Кому жъ у насъ жаловаться, это, говорятъ, въ городѣ суды есть, а у насъ нѣту. Поплакала, заплакала, да и только!

— Да кстати—были ли вы у батюшки? Для получения свидѣтельства объ окончаніи курса школы требуется метрическое свидѣтельство!

— Была. Продержалъ онъ меня до вечера, а послѣ вышелъ и говоритъ: пять рублей принеси и марку въ лавочкѣ купи за шестьдесятъ копеекъ, тогда получишь метрическое свидѣтельство!

«Просила, просила, говорю: «Я вамъ, батюшка, ей Богу, отработаю! Повѣрьте, пяти копеекъ дома нѣту, а не то что пяти рублей!» А онъ говоритъ: «Знаю я ваши обѣщанія! Знаю я, какъ вы отработываете!»

«Заупрямился—ни за что, а я и рада бы дать, знаю что требуется, да негдѣ взять».

«Кто изъ двоихъ гуманиѣ — пастухъ или батюшка?» подумала я невольно...

С и р о т к а.

По буднямъ простолюдину почти некогда лѣчиться; если есть хоть какія-нибудь силенки, онъ кое-какъ, кое-что не-премѣнно работаетъ; нѣту силъ—лежить на печи и стонетъ, но работаетъ его лошадь и ужъ, конечно, отнять ее отъ этой работы нельзя, развѣ случится что-либо выходящее изъ ряда вонъ: схватить такъ, что вотъ-вотъ, того и гляди, что умереть, или порубить ногу топоромъ, или лошадь дать копытомъ въ лицо ребенку, вышибетъ два зуба и раскроитъ губы, что-нибудь въ этомъ родѣ. Зато въ праздникъ все это страждущее и жаждущее исцѣленія тянется вереницей къ убѣжищу помощи—больницѣ, и тутъ-то представляется самый разнообразный матеріалъ для медика—тутъ встрѣчается вамъ и сифилисъ, охватившій почти поголовно всю деревню Б., и чахотка, и сердцебіеніе, и глисты, и бѣлмы, и раны.

На Троицу среди этой пестрой толпы я замѣтила дѣвочку лѣтъ девяти. Ея худенькое личико пряталось въ желтый ситцевый платочекъ, надвинутый на брови, губы были сухи, на блѣдныхъ щекахъ горѣли два красныхъ пятна, большіе свѣтлые глаза свѣтились лихорадочнымъ огнемъ. Рядомъ съ нею стоялъ нашъ дворникъ Парѣеній, недавно поступившій къ намъ.

— Это ваша дочь?—спросила я.

— Дочь,—отвѣчалъ онъ,—у нея лихорадка. Да вы не беспокойтесь—она подождетъ. Ишь сколько народу!

Проговоривъ это, онъ скрылся, а дѣвочка испуганно забилась въ уголъ.

Я оставила ее пока въ покоѣ и стала подходить къ другимъ больнымъ. Приѣмъ, дѣйствительно, былъ огромный, часъ уходилъ за часомъ, а надежды на окончаніе не предвидѣлось—новыя телѣги подъѣзжали къ крыльцу и новыхъ больныхъ вводили въ приемную.

— Слушайте!—сказала мнѣ одна женщина съ добродушнымъ лицомъ.—Тамъ дѣвочка въ углу—ей очень трудно.

Я протиснулась въ уголъ и увидѣла знакомый желтый платочекъ. Дѣйствительно, дѣвочка тяжело дышала, и красныя пятна на щекахъ еще увеличились.

Я бережно подняла ее съ земли и довела до кровати.

Докторъ приложилъ ухо къ груди и быстро, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Какъ жаль, что мы ее такъ долго продержали—у нея сильнѣйшее воспаленіе легкихъ. Давайте скорѣе каломель и горчичники. Да кто съ нею? Позовите сюда!

— Никого съ нею нѣту. Отецъ былъ и ушелъ—она сирота!—отозвался чей-то голосъ.

— Это у нея отъ битья!—сказалъ еще кто-то. Тамъ мачиха такая, что каждый день бьетъ, а отецъ, можетъ, и заступился бы, да у васъ внаймахъ—не видитъ. Просила бабушка Мареушку ей отдать—не пускаютъ. Некому, говорить, будетъ моихъ дѣтей смотрѣть.

Я послала домой за отцомъ, велѣла запречь дроги, уложили мы бережно на солому Мареушу и отвезли ее домой. Но образъ бѣдной, измученной дѣвочки не покидалъ меня. Я рассказала о ней дѣтямъ, и мы рѣшили поѣхать на другой день навѣстить ее.

Мы вошли во дворъ. Съ огорода къ намъ навстрѣчу шла высокая, стройная, красивая женщина. Мы объяснили ей, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что Мареуша заперта въ хатѣ на замокъ. Мачиха быстро отворила замокъ, высказала соболѣзнованія о болѣзни дѣвочки, сказала приторно, что лучше бы ея Маруся заболѣла, чѣмъ чужое дитя, что на мачиху всегда поклепъ,—и мы вошли въ хату.

На деревянныхъ подмосткахъ, въ грязной рубахѣ и все томъ же желтомъ платочкѣ лежала бѣдная Мареуша. Грудка ея тяжело дышала. Лѣкарство стояло нетронутымъ.

— Не хочетъ принимать,—объяснила мачиха:—говорить, что отъ него тошнить!

Дѣлать ей выговоры—это значило оказывать медвѣжью услугу бѣдной Мареушѣ; поэтому, поговоривъ о томъ, что Богъ вознаградить ее за ласку къ чужому ребенку, и по-

общавъ навѣщать Марѳушу каждый день, мы возвратились домой.

Когда мы приѣхали на другой день, замка не было на хатѣ; мачиха попрежнему была на огородѣ. Мы вошли въ хату. Марѳуша лежала въ чистой сорочкѣ подъ чистымъ рядномъ, умытая и расчесанная, видимо, намъ на показъ. Лѣкарство было значительно надпито. Вчерашній безжизненный взглядъ нѣсколько оживился. Рядомъ съ нею сидѣлъ двухлѣтній, большеголовый мальчуганъ, прислонивъ нѣжно къ плечу ея свою голову; на скамейкѣ за столомъ сидѣла четырехлѣтняя Маруся, какъ двѣ капли воды, похожая на мать; съ печки выглядывала не безъ страха трехлѣтняя дѣвочка.

Мачиха поспѣшно вошла въ хату.

Мы привезли конфетъ и другихъ гостинцевъ, но не смѣли отдать ихъ одной Марѳушѣ, а раздѣлили поровну между всѣми дѣтьми.

При видѣ конфетъ и цвѣтныхъ коробочекъ на лицѣ Марѳуши въ первый разъ показалась улыбка. «Она у насъ умница,—говорила, между тѣмъ, мачиха, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни глядя Марѳушу по головѣ.—Когда бы вы знали, какъ ее дѣти любятъ, просто не отходятъ отъ нея, она имъ и сказочку расскажетъ, и на улицу поведетъ. У нихъ и названія ей другого нѣтъ, какъ «няня! няня!»

Въ эту минуту мальчикъ сталъ отчего-то хныкать. «Ды-высь—ляля!» сказала Марѳуша, дѣлая находчиво игрушку изъ нашего маленькаго Вани.

Мальчикъ затихъ.

Марѳушѣ положительно было лучше. Лѣкарство произвело желанное дѣйствіе—замѣтно было отдѣленіе мокроты при кашлѣ, уменьшалась лихорадочность состоянія.

На другой день дѣти упросили меня взять заводную шкатулочку, чтобы поиграть Марѳушѣ. Когда шкатулочка заиграла, Марѳуша широко раскрыла свои и безъ того огромные глаза; звуки эти, видимо, сильно поразили и потрясли ее: она вдругъ начала хохотать такъ истерически, такъ пронзительно, что я уже раскаялась въ своей неосторожности и боялась дурныхъ послѣдствій, но, вѣроятно, впе-

чатлѣніе радости, какъ бы сильно оно ни было, не отзывается особенно вредно на организмъ; на другой день Марѳеуша выглядѣла еще бодрѣе. Когда мы подъѣзжали къ хатѣ, она смотрѣла напряженно въ окно, видимо, поджидая насъ, и провожала, глядя въ то же крошечное окошечко, улыбаясь. Посѣщеніями нашими и гостинцами довольны были всѣ—и Марѳеуша, и мачихины птенцы, и сама мачиха. Мы пропустили нѣсколько дней и затѣмъ узнали, что Марѳеуша уже встала и ходитъ по улицѣ. И вотъ я спрашиваю себя, что будетъ съ этой Марѳеушей, когда мы уѣдемъ—будутъ ли наши посѣщенія служить предметомъ упрековъ, или же намъ удалось хоть на сколько-нибудь смягчить нашими ласками сердце этой недоброй мачихи и заронить въ голову ея мысль, что Марѳеуша тоже ребенокъ и нужно жалѣть ее.

П р о к у н я.

Деревенскія бабы устроили намъ овацію по случаю пріѣзда; цѣлая толпа ввалила къ намъ во дворъ съ курами, яйцами и привѣтствіями. Въ этой оваціи было нѣчто торжественное и трогательное: ее вызвало не крѣпостное право, не зависимость и рабство, а естественное расположеніе къ людямъ, которые приходятъ въ деревню, чтобы оказать сильную помощь. Во всѣхъ этихъ простыхъ рѣчахъ и пожеланіяхъ, право, было больше смысла и самобытности, чѣмъ бываетъ часто въ тостахъ торжественныхъ обѣдовъ интеллигентныхъ людей.

— Какъ-то мы собрались вмѣстѣ,—говорила мнѣ, между прочимъ, одна женщина,—и толкуемъ: откуда взялись у насъ эти господа и почему помогаютъ они бѣдному народу? Мало ли богатыхъ, а развѣ всѣ подѣляются своимъ добромъ? Это намъ Самъ Богъ послалъ эту помощь въ деревню. А дядя Иванъ, онъ злой у насъ, всегда на все найдетъ отвѣтъ, говорить: «А я знаю, для чего они дѣлаютъ добро!»

«— Для чего?»

«— Чтобы попасть въ царство небесное!»

«А мы говоримъ: «Отчего же это другіе не дѣлаютъ?»

«А ему уже и нечего было сказать въ отвѣтъ.

Многіе предполагаютъ, что, что ни дѣлай для народа, какъ ни помогай ему, онъ не въ состояніи ни задуматься надъ этимъ, ни понять, ни оцѣнить; между тѣмъ, изъ словъ этой женщины я увидала, что существуетъ въ народѣ и обмѣнъ мыслей, и анализъ, и даже свои скептики.

За бабами пришли и дѣти, увеличивая собою по обыкновенію толпу. Тутъ были и подростки, и малолѣтки, и грудныя дѣти на рукахъ (на кого же покинуть ихъ дома?)

Молодая женщина съ сіяющимъ лицомъ, подавая мнѣ курицу, сказала: «Ачъ, яка веселенька!» Рядомъ съ ней стоялъ знакомый мальчикъ Прокуня. Этого Прокуню мы еще въ прошломъ году замѣтили, какъ ребенка, выдающегося изъ толпы. Годами онъ не превышалъ товарищей, но пользовался между ними большимъ авторитетомъ. Такимъ авторитетомъ пользуются между дѣтьми обыкновенно товарищи или гораздо старшіе по годамъ, или бойкіе, смѣлые, самовластные, а иногда дѣти зажиточныхъ родителей; но въ Прокунѣ никакихъ этихъ свойствъ, повидимому, не было. Блѣдное, задумчивое личико выражало какую-то тихую и грустную думу, и весь онъ казался какимъ-то тихимъ, сосредоточеннымъ; между тѣмъ, въ обыкновенно слышали: «не начинайте игру — Прокуни нѣтъ», «не трогайте его — Прокуня не велѣлъ!» и т. д. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно, хотя чисто, и на грубой сорочкѣ съ заплатами и заплатанныхъ на колѣнкахъ штанахъ видна была материнская забота. Кудрявая голова Прокуни всегда была тщательно расчесана, и свѣтлые, какъ ленъ, волосы необыкновенно граціозно падали на плечи.

Мать Прокуни обращала на себя вниманіе отрицательными свойствами — отвратительнымъ обезображеннымъ лицомъ. Становилось просто непонятно, какъ у такой матери можетъ быть сыномъ этотъ красивый ребенокъ съ свѣтлыми кудрями. Предполагая принять его въ школу осенью, мы, изъ предосторожности, рѣшились подвергнуть медицинскому осмотру и мать, и ребенка, причемъ, къ счастью, оказалось, что болѣзнь, обезобразившая лицо матери, не

принадлежить къ категоріи болѣзней наслѣдственныхъ, передающихся потомству. Прокуня былъ принятъ въ школу, а мать допущена къ работамъ во дворѣ и въ саду, куда прежде она не допускалась изъ боязни заразы, несмотря на свою крайнюю нужду, пьяницу мужа, малолѣтнихъ дѣтей, нищенское хозяйство и необходимость поденной работы.

По пріѣздѣ изъ города, когда я справлялась по книгамъ, кто изъ дѣтей отсталъ отъ школы и почему, школьный учитель сказалъ:

— А знаете Прокуня отсталъ?!

— Почему?

— Вы слишкомъ его опозитизировали—разсѣянный, невнимательный, флегматичный!

Затѣмъ мнѣ сказалъ кто-то вскользь, что мать Прокуни умерла осенью, послѣ нашего отъѣзда, но самого Прокуни мнѣ не пришлось видѣть до этого дня оваціи.

Онъ стоялъ возлѣ этой веселой, чужой ему женщины, грустный и сконфуженный, въ грязной, изорванной рубашкѣ. Его шелковистые кудри сбились въ какую-то запутанную массу, напоминающую войлокъ; на головѣ была надѣта порыжѣвшая, измятая фуражка; босыя ноги были до того грязны, что издали можно было, пожалуй, подумать, что онъ обутъ. Мнѣ стало невыразимо жаль его, и невольно вырвалось восклицаніе: «Мама умерла!»

Въ отвѣтъ мнѣ послышался громкій, порывистый вопль. Онъ закрылъ свое личико обѣими руками, силясь, видимо, заглушить рыданія, но вся его дѣтская фигурка сотрясалась отъ этихъ рыданій... Нѣсколько женщинъ окружили его; общее веселье вдругъ стихло, какъ бы изъ уваженія къ этому дѣтскому горю,—все знали, понимали и сочувствовали. Даже веселая молодница съ веселой курицей вся запечалилась, и горячія слезы горячаго впечатлѣнія дрожали у нея на глазахъ.

— Сиротка!—сказала она, утирая слезы рукавомъ своей вышитой рубахи.—Отецъ пьяница былъ, билъ несчастную женщину, пока совсѣмъ убилъ! Она больная лежала, а онъ еще добавилъ, вотъ и умерла, а какая работящая была, все у нея прибрано, все у нея вымыто!.. Теперь старшимъ

остался Прокуня — самъ и печку затопить, и кушать готовить, самъ и коровку сдоить, и дѣтей накормить!

При этомъ разсказѣ рыданія Прокуни настолько усилились, что, не желая дѣлать изъ него зрѣлище, я отвела его въ комнату, поила водою и утѣшала, какъ могла. А въ воображеніи моемъ рисовалась такая картина: сидитъ Прокуня въ школѣ; учитель пишетъ на доскѣ какіе-то значки, мальчики повторяютъ за нимъ какія-то слова, а передъ глазами Прокуни родная хата, больная — умирающая мать. Вдругъ придетъ безъ него пьяный отецъ и станетъ бить ее?! Когда она была здорова, она убѣгала къ сосѣдямъ, пряталась въ бурьяны на огородѣ, защищалась кочергой, а теперь... И нѣту дома и его, Прокуни, — одни маленькія дѣти! Онъ сталъ бы плакать, кричать, звать сосѣдей...

Прокуня сидитъ съ помутнѣвшимъ взглядомъ, а учитель говоритъ строго:

— Прокуня! всѣ слышали и поняли кромѣ тебя! — и думаетъ: «Какой невнимательный и разсѣянный!»

Прокуня силится отогнать свой кошмаръ, конфузится своей разсѣянности, страдаетъ мыслью, что всѣ поняли кромѣ него. О, теперь онъ все замѣтитъ, все пойметъ! Онъ дѣлаетъ сверхъестественныя усилія, онъ овладѣлъ собою, онъ слушаетъ, онъ понимаетъ; но въ это время очередь за другими, другіе отвѣчаютъ, а, между тѣмъ, кошмаръ опять подкрадывается къ Прокунѣ, растетъ, растетъ, и новый вопросъ учителя опять застаётъ его врасплохъ.

Богъ знаетъ, быть-можетъ, именно во время такого раздумья пьяный отецъ убилъ больную мать, и, придя домой, Прокуня засталъ ее мертвою. Тутъ онъ, конечно, зарыдалъ, какъ рыдаетъ теперь, и, быть-можетъ, проклялъ школу, а, можетъ-быть, вспомнилъ, что эта безобразная для насъ и самая дорогая въ мірѣ для него мученица — женщина говорила ему, выпроваживая его въ школу и осѣняя крестнымъ знаменіемъ: «Учись, Прокуня, ученіе — свѣтъ!» (Теперь это говорятъ уже почти всѣ мужики); и помня это материнское завѣщаніе онъ и пошелъ бы въ школу, да надо вытопить печку, наварить істи, накормить дѣтей, подоить коровку.

Время шло; горе Прокунино немножко притупилось, хотя все кругомъ напоминало ее, эту мученицу, эту нѣжную мать, но некогда было горевать: будничныя дразги поглощали всего Прокуню, и вотъ, очутившись здѣсь, среди этой нарядной, веселой толпы, онъ вдругъ мучительно почувствовалъ все свое сиротство. Быть-можетъ, ему подумалось, что и она могла бы быть здѣсь съ своею курицею и благодарить, что и ее приняли на работу на барскій дворъ, а, можетъ-быть, онъ вспомнилъ, какъ ее гнали, какъ говорили ей, что ее не велѣно принимать на работу. Какъ потомъ повели ихъ къ доктору и раздѣли и расспрашивали. Какъ клялась она, что Прокуня ея чистый мальчикъ, что на немъ не было никогда ни прыщечка. Какъ было стыдно и ей и ему, и какъ послѣ этого позора ему вдругъ стало легко, когда ее оправдали въ чемъ-то позорномъ, ужасномъ и приняли на работу!

Мы обвиняемъ часто народъ въ отсутствіи деликатности и не замѣчаемъ, какъ часто сами бываемъ неделикатны къ нему. Мнѣ ясно вспомнилось, какъ неделикатно расспрашивали мы съ докторомъ мать Прокуни о ея прошломъ, при немъ, при этомъ бѣдномъ мальчикѣ, какъ сомнѣвались вначалѣ въ точности ея показаній, и какъ внимательно, быть-можетъ, слушалъ нашъ Прокуня, вперивъ въ насъ свой задумчивый взглядъ, какъ оскорбляли его эти расспросы, эти подозрѣнія, которые онъ не столько понималъ, сколько чувствовалъ.

Тогда я не задумывалась надъ этимъ, но теперь сцена эта съ мучительной ясностью представилась моему воображенію, и я чувствовала себя виноватою и передъ Прокунею, и передъ его матерью, и передъ всей этой толпою, ожидавшей меня. Я вышла на крыльцо и низко молча поклонилась этой толпѣ. Мнѣ хотѣлось сказать имъ:

«Простите меня за мое счастье, за мою беззаботную жизнь, за мое сытое довольство,—простите, несчастные, обездоленные, голодные, безграмотные!»